

В статье рассматриваются четыре истории о предстоящем или начавшемся сносе зданий в Екатеринбурге. Анализируются следующие проблемы: как связаны страх и коллективная память; причины, по которым общественные организации могут защищать здания с высоким уровнем физического износа, в то время как собственники готовы с ними безболезненно расстаться; как формируется ценность архитектурного наследия в глазах горожан. На основе описанных кейсов составлена классификация страхов применительно к сносу зданий.

Ключевые слова: снос; культура; аварийное состояние; коллективная память; страх. /

The article describes four stories about the upcoming or initiated demolition of buildings in Yekaterinburg. The article analyzes how fear and collective memory are connected, the reasons why buildings with a high level of physical deterioration can be protected by public organizations, while the owners are ready to leave them painlessly, and how the value of architectural heritage is formed in the eyes of citizens. Based on the described cases, a classification of fears has been compiled in relation to the demolition of buildings.

Keywords: demolition; culture; emergency condition; collective memory; fear.

Страхи, порождаемые сносом архитектурного наследия / Fears driven by the demolition of architectural heritage

текст

Мария Федорова

Уральский федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

text

Maria Fedorova

Ural Federal University
named after B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg)

Введение

XXI век ставит новые вызовы перед большими городами: необходимо обеспечивать комфортные условия для жизни, возводить дома для прибывающего населения и решать проблему стареющего жилого фонда. Жилье в аварийном состоянии – одна из самых больших проблем в сфере ЖКХ. На сайте «Дом. МинЖКХ» собрана информация о 949 тыс. домов в России, там же можно увидеть статистику, собранную по годам, показывающую ввод в эксплуатацию квадратных метров жилья. С внесением в Градостроительный кодекс новой главы о комплексном развитии территорий началась и новая глава в жизни исторически сложившихся городов. Споры о сохранении объектов культурного наследия, неугасающие в последние десятилетия, вышли на новый уровень в связи с масштабными работами по сносу зданий и сооружений, ведь речь идет уже не об отдельных домах, а о целых кварталах, которые отдаются под застройку. Под ковшом экскаватора почти вековые здания исчезают за считанные часы, и реакция горожан на это порой непредсказуема. Жители могут отчаянно бороться за сохранение своего дома или, наоборот, могут быть заинтересованы в его скорейшей ликвидации. За сохранение могут выступать общественные организации, эксперты, горожане, но их мнение ничего не изменит. В рамках нового законодательства собственность стала не только правом, но и разменной монетой. Будущие владельцы квартир в новом жилом комплексе порой находятся в более выгодном положении, чем те, кто обладал правом собственности десятки лет: «Рядовому москвичу, проживающему в зоне сноса, именуемой «зоной реновации», решение о массовом сносе пятиэтажек не несет ничего, кроме крайнего раздражения от факта незаконного изъятия прав собственности» [1, с. 82].

Снос зданий и сооружений и его ускоренные темпы подводят нас к вопросам, связанным с оценкой этих событий: стоит ли сохранять исторические здания, не имеющие охранного статуса? Может ли современный город иметь частную застройку? Могут ли горожане влиять на сохранение важных для себя объектов и какими инструментами это может регулироваться? Наиболее точно вся противоречивость ситуации представлена в статье

И. Г. Лежавы [2]. Поднимая вопросы о том, что стоит сохранять, о подлинности памятников, их жизни в городе, об изменении отношения к памятникам, автор снова и снова показывает всю несостоятельность современного подхода. И. Г. Лежава доказывает, как непостоянно понятие красоты, как отрицалась красота дореволюционных построек, а позже и заменившие их здания в стиле конструктивизма стали казаться примитивными. Во всем мире непрерывно меняется отношение к ценности памятников: «Вчера казалось ужасным. Завтра может стать памятником!» [2, с. 14]. Каждое поколение оставляет новый след в истории и стирает следы прошлого, и «новые люди» воспринимают «окружающий мир таким, каким они его застали», предыдущим поколениям «дорог иной мир, и иные объекты они стремятся увековечить в памятниках» [2, с. 15].

Снос здания может пройти незаметно, и лишь жители ближайших домов пожалуются друг другу на шум. Но ситуация может быть и иной, когда о сносе пишут все региональные СМИ, его пытаются остановить общественные организации, на место сноса прибывают сотрудники Росгвардии, представители застройщика, каждый со своей кипой документов. Процесс ликвидации здания понятен и описан, снести его можно с помощью взрывчатки или экскаватора, можно бережно разобрать по кусочкам вручную, можно в конце концов сжечь, но что остается после ликвидации?

Даже ветхие здания, несмотря на неприглядный вид, являются естественной частью городского ландшафта. Пустырь на месте дома еще долго будет напоминать о прошлом обитателе: «...дом вмещает в себя память (о) причастных к нему, дом кем-то построен, в нем кто-то жил/жил, он наполнен чьими-то вещами, испещрен следами», и после физического сноса, устранения здания остается лишь память, зачастую сопряженная с ностальгией [3, с. 158]. Как пишут в своей статье М. А. Улфстэрне и М. Д. Фредериксен, у современного общества не существует «ритуалов, связанных с этой конкретной формой исчезновения, которые могли бы способствовать какому-либо социальному процессу коллективного оплакивания или отложения прошлого» [4, с. 59]. В каждой стране, городе можно увидеть свои практики «прощания»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01060, <https://rscf.ru/project/23-78-01060/>

Acknowledgement: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-01060, <https://rscf.ru/project/23-78-01060/>

соносимыми зданиями, они могут включать протесты, публикации в СМИ; в зарубежной практике описан случай проведения публичных похорон здания, которое было важной частью истории квартала для афроамериканского сообщества [5, с. 178].

Тема утраты зданий и сооружений неразрывно связана с понятием коллективной памяти. Разрушение индивидуального жилого дома вызовет протест у одной семьи, и их индивидуальные воспоминания при отсутствии актуализации на постоянной основе постепенно исчезнут. Согласно определению Пьера Нора, «память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [6, с. 75]. В концепции П. Нора «местами памяти» могут являться как материальные, так и нематериальные объекты: это и территории, и события, и памятники, и значимые даты [7]. «Внимание исследователей к проблематике исторической памяти с особой рельефностью проявляется в той области, которая наиболее конфликтна, то есть порождается различными интерпретациями и оценками тех или иных событий, а также попытками формировать и/или регулировать процессы исторической памяти, либо вынося их в центр воспоминаний, либо предавая забвению. И здесь вариативность может быть очень обширна: от «намеренного разрушения» – до «предписанного забвения» [8, с. 104]. Более подробно эта тема исследовалась на примере Санкт-Петербурга, где образ современного города сформирован исчезновением исторической застройки: «В наши дни возник образ Петербурга – тело, которое подвергается насилию, его «расчленяют», «уродуют», «калечат», «терзают». Этот образ связан со сносом старых домов. Разрушение старинных зданий петербуржцы воспринимают как уничтожение людей» [9, с. 769].

Для Екатеринбурга тема сноса исторических зданий стала обсуждаемой и конфликтной в начале XXI века, разрушаемые исторические здания превратились в объекты повышенного внимания, их история, значимость, состояние подвергаются различным интерпретациям со стороны застройщика, экспертов и общественных организаций, различные мнения о сохранении исторического облика рожают конфликт.

Методология

Нами было проанализировано более 40 значимых зданий, снесенных в Екатеринбурге за последние 20 лет. В городе-миллионнике сформировались сложные и противоречивые отношения между застройщиками, администрацией и горожанами из-за частых и неожиданных объявлений о ликвидации исторических зданий, возникли общественные организации, которые активно выступают против сноса и транслируют свою позицию через средства массовой информации, вовлекая горожан в сохранение города. Для статьи выбраны четыре кейса, которые актуальны для Екатеринбурга сегодня, они наглядно иллюстрируют страхи, связанные со сносом зданий, потерей жилья, утратой идентичности города, переживаниями за свою жизнь, за будущее детей.

В рамках программы комплексного развития территорий снос ветхих и аварийных зданий приобрел значительные масштабы, и истории, которые сегодня разворачиваются в Екатеринбурге, происходят и в других городах, но, возможно, в силу предыдущего опыта проявления гражданственности именно здесь этой проблеме уделяется больше внимания.

Снос зданий через призму страхов и надежд

Снос зданий зачастую вызывает большое количество эмоций, в том числе и страх. Подходы к классификации страхов разнятся, в рамках данной статьи воспользуемся

самой цитируемой теорией, предложенной Ю. В. Щербатых [10]. Он выделяет три группы страхов: биологические (боязнь природных явлений, животных), экзистенциальные (страх перед будущим, перед неизвестностью, боязнь пространства) и социальные страхи (боязнь изменения социального статуса, страх ответственности, бедности, нищеты) [10, с. 97]. На границах этих групп образуются промежуточные страхи, которые имеют двойственную природу. Социальные страхи делятся на восемь разновидностей: страх оценок, страх невнимания, страх социальных контактов, страх одиночества, страх успеха, страх провала, страх руководства, страх подчинения. Экзистенциальные страхи делятся на четыре подгруппы: страхи перед пространством, страхи перед временем, страхи перед жизнью, страхи перед собой. Рассматриваемые кейсы будут проанализированы в соответствии с группами страхов.

Далее рассмотрим несколько историй, которые демонстрируют разные страхи, инициированные сносом зданий.

Снос ДК «Химмаш»: страх перед будущим и ностальгия по прошлому

Одна из последних историй о сопротивлении местного сообщества сносу связана с Дворцом культуры «Химмаш» (сегодня объект носит название Дворец культуры AVS, но урбаноним ДК «Химмаш» более известен). Угроза сноса нависла над ним в 2017 году, когда арендаторов попросили освободить помещения и найти другое место для занятий. Родители организованно выступили против сноса, аргументируя свою позицию тем, что в районе нет учреждений подобного уровня, имеющих вместительный зрительный зал и сцену (на тот момент в ДК занималось около тысячи детей).

История этого здания началась еще в 1960-е годы, сначала был утвержден план застройки Химмаша, на котором уже фигурировал Дворец культуры. При разработке проекта за основу архитекторы Свердловскгражданпроекта взяли типовой проект № 162–129 (еще дважды он был применен в Екатеринбурге в ДК «Урал» и ДК им. Лаврова и многократно применен в других городах России). Трехэтажное Н-образное в плане здание по адресу Грибоедова, 13, было построено в 1967 году. Оно вмещало зрительный зал на 800 мест, парадный двухсветный зал, классы для репетиций и занятий. Открытие Дворца культуры было приурочено к празднованию 50-летия Октября. Были сформированы первые 17 творческих коллективов, а спустя десять лет их число превысило 50.

В 2004 году здание, принадлежавшее институту «СвердлНИИхиммаш», было продано. Владелец участка стала компания AVS Group. В 2017 году появились первые сообщения о приближающемся сносе. В планах застройщика было строительство жилого дома, и в течение семи лет длится мучительный для всех сторон процесс переговоров и согласований.

Инициативная группа родителей была сформирована в 2017 году, ее участники начали искать поддержку у местной администрации, депутатов, лидеров мнений. Была создана страница группы во «ВКонтакте», где выкладывается вся информация об урегулировании вопроса. Состояние Дворца культуры еще в 2017 году вызывало опасения, зданию требовался капитальный ремонт, но, согласно требованиям законодательства, ремонтом может заниматься только собственник, а застройщик в этом не был заинтересован. Администрация со своей стороны искала возможности для возвращения объекта в муниципальную собственность, предлагая в качестве альтернативы для застройки другие участки, но различные обстоятельства (еще один объект, требующий обмена, находится в руках компании AVS Group, перевод вопроса из области в город, отсутствие подходящих участков и т. п.) замедля-

^ Рис. 1. Дворец культуры «Химмаш». Январь 2024 года

ли урегулирование. Конец истории уже близок, и можно говорить об успехе городского движения в отстаивании своих интересов. Согласно заявлению губернатора, в январе 2024 года ДК должен был перейти в муниципальную собственность, но пока он закрыт из-за ранее выявленных нарушений требований по обеспечению пожарной безопасности.

Родители детей, посещающих ДК «Химмаш», спасали не само здание: они были согласны на новое здание, на капитальный ремонт, реконструкцию, но с сохранением первоначальной функции культурного центра района. Замена ДК, который в течение более полувека воспитал не одно поколение талантливой молодежи, на новый жилой комплекс страшила отсутствием перспектив и утратой единственного значимого общественного здания, утратой коллективной памяти. За прошедшие с момента открытия Дворца культуры 57 лет в нем побывали сотни тысяч человек, поэтому угроза сноса затронула большое количество коллективных и индивидуальных воспоминаний. Горожане ностальгировали по новогодним елкам, по юности, проведенной в стенах этого здания, по выступлениям и репетициям. Ценность ДК связана и с эмотивностью – переживаниями людей перед выходом на сцену, с первыми успехами и неудачами, с волнением. Эти яркие эмоции остаются с человеком на всю жизнь, поэтому столь трепетное отношение к наследию прошлого, визуализированное в стенах Дворца культуры, вполне закономерно.

Несмотря на то что объединение родителей носит неформальный характер, они проявляют удивительную для столь длительного противостояния солидарность и единодушие. Показательные тренировки коллективов на улице перед закрытыми дверями ДК – один из самых действенных рычагов влияния на местные власти, он получает больше внимания, чем митинги перед дверями администрации. Надежда на скорое разрешение спорного вопроса все эти годы поддерживала протестующих.

С точки зрения классификации эта история относится к промежуточным страхам, расположенным на границе страхов экзистенциальных и социальных. Экзистенциальный страх связан со страхом перед будущим, с неизвестностью, отсутствием перспектив в при-

ятии решения. Социальный страх вызван отсутствием альтернативных возможностей обучения детей, развития таланта молодежи, построения успешной карьеры.

Дом на Блюхера, 21а: страх за собственную жизнь

Снос жилого дома может сопровождаться как протестами со стороны жителей, так и их активной поддержкой. Когда состояние жилья приближается к аварийному, то собственный дом становится главным источником страха и опасений. На улице Блюхера, которая раньше называлась Березовским трактом, расположено несколько ветхих домов, в частности трехэтажный дом 1954 года постройки. Этот многоквартирный дом (Блюхера, 21а) находится через дорогу от Михайловского кладбища. Аварийным его признали в 2020 году, хотя, по рассказам жильцов, расселения и сноса ждали еще их родители. В 2020 году износ здания составлял 61%, фундамента – 60%, фасада – 65%, деревянных конструкций крыши – 65%. Соседний дом 1953 года постройки сохранился значительно лучше и считается исправным, износ составляет 42% (капитальный ремонт проведен в 2015–2016 годах). Опасение вызывает как внешний вид дома (дыры в стенах, из которых вываливаются кирпичи, трещины, местами разрушенный наружный водосток), так и интерьер, с коммуникациями вдоль стен, дырками в полу вместо санитарных приборов.

В доме расположено 39 помещений, из которых треть в собственности города. Можно долго искать причины, по которым дом оказался в подобном состоянии, но сейчас жильцы живут в страхе. В этой истории страх биологический – страх смерти, увечий, болезни, травмы, которые могут быть вызваны проживанием в аварийном доме.

Реконструкция при столь высоком проценте износа нецелесообразна, но, несмотря на выгодное расположение, дом находится в плотном кольце окружающей застройки разной этажности. Участок заинтересует инвесторов лишь после расселения еще нескольких соседних малоэтажных домов, поэтому все расходы, связанные со скорой ликвидацией, понесет городская администрация. На момент написания статьи дом еще не был до конца расселен. В данной истории чувство привязанности, воспоминания о родном доме вытесняются более сильными эмоциями, связанными с опасениями за свою жизнь.

Частные дома на ул. Танкистов: страх потери дома

В Екатеринбурге разрабатывается масштабный проект, связанный с транспортной инфраструктурой, планируется расширение ул. Татищева, и под снос попадают частные дома, многоквартирные жилые дома, которые не исчерпали свой запас прочности. Жители этих домов напуганы надвигающейся угрозой и отсутствием выбора, проект комплексного развития территорий утвержден, администрация имеет право изъять эти земли, предложив взамен денежные компенсации или жилье. В данном случае речь идет не только о ветхих и разваливающихся домах – это и частный сектор, и дома, которые могли бы простоять еще не одно десятилетие.

Новая волна возмущения была спровоцирована новостью о сносе ряда частных домов по ул. Танкистов, которые относятся к садовому товариществу «Приозерный». Частные жилые дома должны ликвидировать для строительства новой дороги. Жители ожидают первых оценок стоимости, проекты соглашений уже получены, выделяется всего 45 дней на принятие решения. Страх потери жилья, страх неизвестности для собственников сейчас перекрывает любые надежды на хорошую компенсацию. Этот страх является и биологическим (страх остаться на улице), и социальным, семьи боятся нищеты, боятся получить небольшие выплаты, на которые можно будет приобрести меньшие по площади квартиры в удаленных от центра районах.

Коллективное отстаивание отдельных объектов, зданий, районов успешно только при наличии большого количества человек. Собственников домохозяйств недостаточно для объединения в сообщество, способное остановить реализацию проекта. Со стороны городского сообщества подобные новости все реже вызывают сопереживание. Англиязычный термин «нимбизм» (аббревиатура NIMBY – только не в моем дворе), введенный еще в 80-е годы прошлого века, описывает сопротивление домовладельцев, направленное на защиту имущественных ценностей от изменений инфраструктуры на примыкающих территориях, сопротивление новому строительству. В работах, посвященных исследованиям городского и пригородного нимбизма, отмечается, что «противодействие застройке как со стороны районов

с более высоким уровнем дохода домовладельцев, так и со стороны районов с более низким уровнем дохода, с большой долей арендаторов в наиболее продуктивных городах страны было особенно интенсивным в последние годы» [11, с. 245]. С введением нового закона о комплексном развитии территорий в России городской нимбизм также стал значимым явлением, и если в зарубежной практике он часто описывается негативно, как сопротивление необходимому городскому развитию, то в России в большей степени связан с ущемлением прав собственников.

Дом и Троицкая церковь Общества старообрядцев (Австрийская церковь): страх утраты коллективной памяти

Снос исторической застройки часто сопровождается общественным вниманием. Квартал улиц Белинского, Розы Люксембург и Декабристов за последние 15 лет радикально изменился. Вместо старинных усадеб и объектов культурного наследия появился многоэтажный жилой комплекс. Застройщик изначально планировал занять всю территорию квартала, и на первых эскизах будущей застройки объекты культурного наследия уже отсутствовали. На месте духовного центра старообрядцев Екатеринбурга сегодня элитный жилой комплекс. Последние элементы этого исторически значимого места – уже фактически руины – отстаивает на заседаниях суда общественная организация «Реальная история».

История Екатеринбурга неразрывно связана с историей старообрядчества в России: «...по данным Всеобщей переписи, на 1897 г. здесь [в Екатеринбурге] проживало 1790 староверов, что больше, чем во всех остальных городах Пермской губернии, вместе взятых, – екатеринбуржцы составляли почти 60% городского старообрядческого населения всего Прикамья, Среднего Урала и Зауралья» [12, с. 9]. Купцы-староверы были успешными предпринимателями, многие объекты дореволюционного Екатеринбурга были возведены на их средства.

Ансамбль зданий Свято-Троицкого храма Общества старообрядцев Белокриницкого согласия включал здание бывшей усадьбы (объект культурного наследия «Дом и церковь Троицкая Общества старообрядцев

^ Рис. 2. Многоквартирный жилой дома на Блюхера, 21а. Январь 2024 года

^ Рис. 3. Дома и Троицкая церковь Общества старообрядцев. Январь 2024 года

^ Рис. 4. Страхи, вызванные сносом здания

(Австрийская церковь)», флигель, духовное училище. Застройка усадьбы велась с XVIII века. За это время сменилось несколько собственников, в начале 80-х годов XIX века купец С. В. Янин передал усадьбу церковной общине. Главный дом был возведен еще при прежнем владельце в 1801 году, перестроен в 1835-м. Рядом с усадьбой Янина размещалась не менее известная усадьба Беленкова (памятник «Усадьба Беленкова: жилой дом со сводами, Т-образный флигель, амбар, деревянный двухъярусный сад, ограда и ворота» входил в перечень объектов культурного наследия с 1991 по 2022 год, уничтожен в 2023 году). После передачи усадьбы Янина Обществу старообрядцев ее приспособили под нужды церкви, поделив на три придела, во флигеле разместились церковная школа. Новая каменная колокольня Свято-Троицкой церкви появилась к 1913 году. В 1930 году церковь была закрыта, а здание, в котором она размещалась, передали Бактериологическому институту МО СССР, старообрядцев-австрийцев приютила Никольская церковь Часовенного Соглашения. До 2014 года здание занимал противотуберкулезный диспансер.

В начале 2000-х на этой территории был снесен объект культурного наследия – деревянная старообрядческая церковь (Никольская старообрядческая церковь входила в перечень объектов культурного наследия с 1991 года, уничтожена в 2008-м). Снос был согласован с представителями церкви, застройщик взял на себя обязательства возвести новый храм. Новоселье старообрядцы отметили спустя много лет после строительства, так как застройщик хотел сохранить право собственности на объект, и спор урегулировался с привлечением администрации.

На этом история разрушений не закончилась, новый этап начался в 2022 году, когда усадьба и церковь были сняты с охраны. Причиной тому стало аварийное состояние здания и возможная инфекционная угроза из-за размещения там ранее туберкулезного диспансера. В планах у застройщика – продолжение строительства, и расположенные вдоль границы участка объекты культурного наследия в эти планы не попадают. По заказу застройщика была проведена историко-культурная экспертиза, и было вынесено заключение об исключении из реестра объектов культурного наследия усадьбы Беленкова и Австрийской церкви. Выводы экспертов градозащитни-

ки попытались опротестовать в суде, и до сих пор ведется судебное разбирательство. Фактически же снос уже был начат, его остановили правоохранительные органы, когда от усадьбы остался лишь главный дом.

В этой истории страхи преимущественно социальные, связанные с утратой исторической памяти, сохранявшейся веками в городских объектах. Страха неизвестности в этой истории нет, так как планы по застройке территории известны. Общественные организации борются не за свои дома, а за важные для города исторические здания, не имеющие охранного статуса или по каким-то причинам его лишенные. Страх утратить культурное наследие города, оставить будущему поколению безликий набор многоэтажек заставляет общественников бороться до последнего за каждый из объектов.

Ресурс, который называется «объекты культурного наследия», есть практически у каждого города, и одной из характеристик этого ресурса является его конечность [13]. Пополнит ли реестр объектов культурного наследия возведенный застройщиком жилой комплекс, узнают лишь наши потомки, как и то, будет ли кто-то так же защищать это здание после истечения срока службы от сноса и забвения, как защищали Австрийскую церковь и усадьбу Беленкова.

Снос зданий через призму страхов и надежд

На основе классификации Ю. В. Щербатых [10] на рис. 4 показаны виды страхов, вызываемые предстоящим сносом:

- страх за свою жизнь является биологическим, он вызван постоянной тревогой из-за проживания в доме в аварийном состоянии. Ветхость здания, его удручающий вид позволяют легко и безболезненно с ним расстаться, так как с точки зрения функциональности (прочные стены и крыша), экономики (стоимость квадратного метра), памяти (воспоминания о родном доме) он не представляет ценности;

- страх потери значимого объекта городской среды является одновременно и экзистенциальным, и социальным. Ностальгия по утрачиваемому влияет на ценность объекта, он становится более значимым в глазах горожан, и его техническое состояние рассматривается во вторую очередь;

– страх потери дома является и биологическим, и социальным, он сопряжен с переживаниями за свое будущее, с ностальгией по счастливому прошлому;

– страх утраты истории города и его уникальности является социальным. История объекта становится объектом изучения, в ней ищут аргументы в пользу сохранения, а не разрушения.

Ветхость здания, его история, наполняемость, расположение или статус объекта культурного наследия по отдельности не дают полного понимания ценности здания для местного сообщества. Исторические здания в городской застройке прочно связаны с самим городом множеством событий, они связаны между собой общим прошлым и ценны этой взаимосвязью. Через страхи местного сообщества визуализируется боязнь утраты идентичности города, а вместе в ней и городской идентичности жителей. В отсутствие принятых ритуалов «прощания» со сносимыми зданиями, утраченные объекты городской застройки перед завершением своего жизненного цикла получают широкую известность, коллективными усилиями собирается по крупицам их история, находят старинные фотографии и восстанавливается внушительное количество воспоминаний.

Заключение

В 2023 году Екатеринбург отмечал 300-летний юбилей, была вскрыта капсула времени с посланием 50-летней давности и заложено новое письмо будущим поколениям. В письме потомкам выражается надежда, что уверенно растущий Екатеринбург за полвека преодолит отметку в два-три миллиона человек, говорится о перспективном росте жилищного строительства, увеличении рабочих мест, обеспечении возможностей для учебы и отдыха при сохранении преимуществ комфортного и безопасного города, каким Екатеринбург является и сейчас. В целом это полностью соответствует картине: новые жилые комплексы на месте Дворца культуры, церкви, старинной усадьбы позволят разместить новых жителей Екатеринбурга, но это будет уже другой город, историю которого можно узнать по редким фотографиям.

Наследие – это не только ветхие и разваливающиеся дома, это коллективная память, это надежда на лучшее, а также важный инструмент, который объединяет группы людей, имеющих схожие ценности. Расшифровка значений и ценности культурного наследия помогает обществу объединиться и ощутить чувство принадлежности, которое, в свою очередь, обеспечивает важнейший ресурс для выживания в сложном мире [14]. Четыре истории о сносе зданий в Екатеринбурге иллюстрируют то, как здания могут влиять на судьбы людей, как могут стать объектом многолетних споров, источником страха или символом надежды.

Литература

1. Меерович, М. Сносить нельзя реконструировать // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 78–84. – DOI: 10.7480/projectbaikal.53.1221
2. Лежава, И. Г. Жизнь памятника в городе // Academia. Архитектура и строительство. – 2015. – № 3. – С. 13–28.
3. Резвухина, А. И. Эссе: руины повсюду – и нигде // Studia Culturae. – 2019. – № 42. – С. 157–166.
4. Ulfstjerne, M. A., Frederiksen, M. D. Dying Buildings and the Compulsion to Demolish: A Cross-Cultural Perspective on Waste and Disappearances // Etnofoor. – 2021. – Vol. 33, N. 2. – P. 57–73.
5. Groat, L. N., Wang, D. Architectural research methods. – Hoboken : John Wiley & Sons, Inc., 1946. – 480 p.
6. Филиппова, Е. И. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской академии Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 4. – С. 75–84.
7. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память ; пер. с фр. Д. Хапаевой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

8. Кочеляева, Н. А. Методология работы с культурной памятью «трудные места» и их представление в публичном пространстве // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? : материалы VIII Социологических чтений памяти В. Б. Голофаства, Санкт-Петербург, 9–11 дек. 2014 года. – Санкт-Петербург : Эйдос, 2015. – С. 104–109.
9. Мазалова, Н. Е. «Быть Петербургу пусту»: мифы о Петербурге в исторической памяти горожан // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? : материалы VIII Социологических чтений памяти В. Б. Голофаства, Санкт-Петербург, 9–11 дек. 2014 года. – Санкт-Петербург : Эйдос, 2015. – С. 359–365.
10. Щербатых, Ю. В. Общая психология. – Санкт-Петербург : Питер. – 2008. – 272 с.
11. Been, V. City NIMBYs // Journal of Land Use & Environmental Law. – 2018. – Vol. 33, N. 2. – P. 217–250. – URL: <https://www.jstor.org/stable/26895803> (дата обращения: 29.01.2024).
12. Боровик, Ю. В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX в.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбург: дис. ... докт. ист. наук. – Екатеринбург, 2019. – 483 с.
13. Holtorf, C. Articulating Loss : Understanding and Communicating the Loss of Coastal Heritage // Historic England. – 2021. – URL: <https://historicengland.org.uk/whats-new/research/back-issues/> (дата обращения: 29.01.2024).
14. Apaydin, V. Introduction: Why Cultural Memory and Heritage? // Critical Perspectives on Cultural Memory and Heritage : Construction, Transformation and Destruction. – London : UCL Press, 2020. – 336 p. – DOI: 10.14324/111.9781787354845

References

- Apaydin, V. (Ed.). (2020). Introduction: Why Cultural Memory and Heritage? In *Critical Perspectives on Cultural Memory and Heritage: Construction, Transformation and Destruction*. London: UCL Press. DOI: 10.14324/111.9781787354845
- Been, V. (2018). City NIMBYs. *Journal of Land Use & Environmental Law*, 33(2), 217-250. Retrieved January 29, 2024, from <https://www.jstor.org/stable/26895803>
- Borovik, Y. V. (2019). *Old Believers of the Ural city in the second half of the XIX - early XX century: The confessional community and the family of Yekaterinburg* [Doctoral dissertation in history]. Yekaterinburg.
- Filippova, E. I. (2011). History and memory in the era of the dominating identities: An interview with Pierre Nora, historian and member of the French Academy. *Ethnographic Review*, 4, 75-84.
- Groat, L. N., & Wang, D. (1946). *Architectural research methods*. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc.
- Holtorf, C. (2021). Articulating Loss: Understanding and Communicating the Loss of Coastal Heritage. *Historic England*. Retrieved January 29, 2024, from <https://historicengland.org.uk/whats-new/research/back-issues/>
- Kochelyaeva, N. A. (2015). Metodologiya raboty s kulturnoi pamyatyu "trudnye mest" i ikh predstavlenie v publichnom prostranstve [Methodology of work with cultural memory "difficult places" and their representation in public space]. *Proceedings of the VIII Sociological Readings in Memory of V. B. Golofast*, St. Petersburg, 9-11 Dec. 2014: *Our past: Nostalgic memories or a threat to the future?* (pp. 104-109). St. Petersburg: Eidos.
- Lezhava, I. G. (2015). Life of a monument in the city. *Academia. Architecture and Construction*, 3, 13-28.
- Mazalova, N. E. (2015). "Byt Peterburgu pustu": mify o Peterburge v istoricheskoi pamyati gorozhan ["Petersburg to be empty": myths about Petersburg in the historical memory of citizens]. *Proceedings of the VIII Sociological Readings in Memory of V. B. Golofast*, St. Petersburg, 9-11 Dec. 2014: *Our past: Nostalgic memories or a threat to the future?* (pp. 359-365). St. Petersburg: Eidos.
- Meerovich, M. (2017). Demolition impossible to restore. *Project Baikal*, 14(53), 78-84. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.53.1221>
- Nora, P. (1999). Problematika mest pamyati [Problematics of memory places]. In D. Khapaeva, Trans., *France-memory* (pp. 17-50). St. Petersburg: St. Petersburg University Press.
- Resvukhina, A. I. (2019). Essay: ruins all over – and nowhere. *Studia Culturae*, 42, 157-166.
- Scherbatykh, Yu. V. (2008). *Obshchaya psikhologiya [General psychology]*. Saint-Petersburg: Peter.
- Ulfstjerne, M. A., & Frederiksen, M. D. (2021). Dying Buildings and the Compulsion to Demolish: A Cross-Cultural Perspective on Waste and Disappearances. *Etnofoor*, 33(2), 57-73.